

Долгожитель джаза

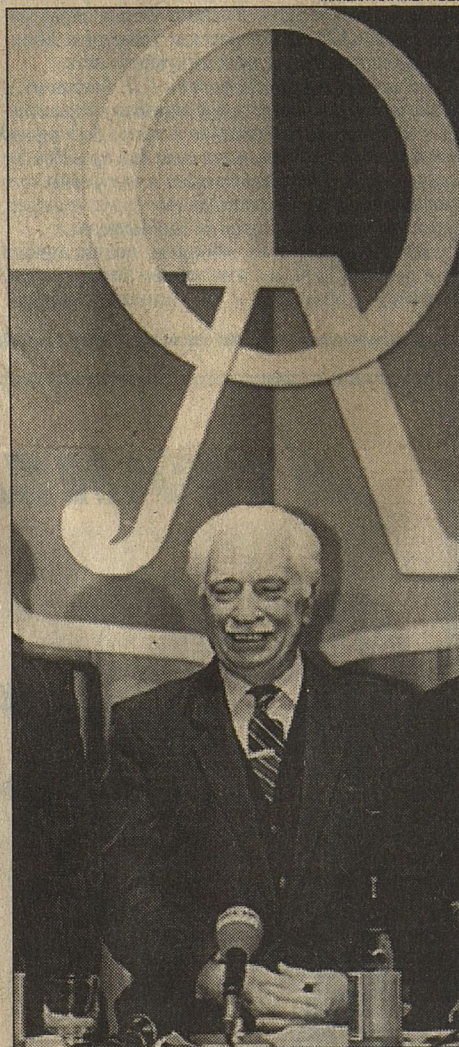
К 80-летию Олега Лундстрема

КАК прирожденный индивидуалист, я не отношусь к числу фанатиков биг-бэндовской музыки, где исполнитель должен обладать целым рядом особых качеств, связанных прежде всего с умением быть не очень заметной, но и незаменимой частью большого целого. Ну а если ты еще и импровизатор, то в биг-бэнде особенно не развернешься, — слишком короткие соло отдаются солистам, не то что в малом составе. Но слушать музыку, исполняемую хорошими биг-бэндами, для меня всегда было большим, истинным удовольствием. Точно, как в той дурацкой шутке: «Тофик, ты помидоры любишь?» — «Вообще — да, а кушать нет». (Вариант ответа: «Кушать люблю, а так — нет».) Так вот, для многих джазменов моего поколения, впитавших идеи авангардного тогда бибопа и кул-джаза, учившихся играть по записям малых составов («комбо», как тогда говорили), руководимых такими новаторами, как Чарли Паркер, Джерри Маллиган, Телониус Монк или Кэннонболл Эддерли, биг-бэнд оставался как бы параллельным видом джаза. Тем более что образ наших больших оркестров тогда был крайне непривлекательным. В СССР с тридцатых годов сложилась традиция использования эстрадных оркестров в пропагандистских целях. Еще тогда мудрое сталинское правительство догадалось, что с джазом лучше не бороться, а использовать его в своих целях, придав ему нужную форму некоего занавеса счастья, отгораживавшего нас от реальности ГУЛАГа. Так были созданы во всех республиках Госджаз оркестры. А наиболее типичным и популярным представителем «советского джаза», начиная с довоенных времен, стал, конечно, Леонид Утесов, исполнявший лирические и патриотико-идеологические песни под аккомпанемент своего оркестра. Именно Утесов и заложил надолго укоренившийся в СССР образ эстрадного концерта, где наряду с популярными советскими песнями вставлялись танцевально-чечеточные номера, развернутый конферанс, пародии и даже выступления цирковых артистов. Биг-бэнды при этом выполняли функции аккомпанемента, а если иногда и исполнялась чисто инструментальная пьеса, то в контексте такого концерта она значения не имела и проходила незамеченной. После 1947 года слово «джаз» как атрибут вражеской идеологии было изъято из всех официальных названий и формулировок, и окончательно утвердился термин «эстрадный оркестр», а если там присутствовала струнная группа — то «эстрадно-симфонический оркестр».

Я так подробно описываю всю эту ситуацию для того, чтобы тем, кто тогда не жил или жил, но кое-что подзабыл, было легче представить себе фон, на котором в Советском Союзе вдруг появился оркестр, руководимый Олегом Лундстремом, и оценить сам эффект от такого появления. А произошло это в самом начале идеологической конфронтации СССР с Западом, борьбы с космополитизмом, со «стилягами», с так называемым «низкопоклонством», — в 1947 году. Бросив насиженный Шанхай, популярность и работу в Китае, движимые истинным патриотизмом, дети бывших работников КВЖД, практически полуэмигранты, ринулись в страну репрессий, движимые одной романтической и наивной идеей — играть в СССР настоящий американский джаз, ту музыку, которая сплотила их вдали от Родины. До сих пор этот поступок кажется безумным в той ситуации, но судьба распорядилась так, что несмотря ни на какие трудности своего первого пребывания в Казани, во времена Сталина, оркестр выжил, сохранился как целое и на волне «оттепели», во второй половине 50-х, переехал в Москву, в Росконцерт.

Для нас, молодых московских боперов-авангардистов, крайне скептически относившихся к советским эстрадным оркестрам, появление Олега Лундстрема и его биг-бэнда стало событием. Одно дело, слушать по радио «фирменное» звучание американских бэндов, а другое — присутствовать при живом рождении феномена свинга, вблизи ощущать истинный «саунд». И если до этого у джазменов и мысли не было пойти на работу в советский большой эстрадный оркестр, то после появления в Москве биг-бэнда Олега Лундстрема мысль о том, что неплохо бы пройти такую школу, стала появляться у многих. Но попасть к Лундстрему было почти невозможно, и не только по причине высоких профессиональных требований, — туда никого не брали до тех пор, пока кто-нибудь из «шанхайцев»-ветеранов не уходил сам, освобождая место. Такой был у них договор перед тем, как переехать в Советский Союз. Но вот, в 1959 году, Олег Леонидович пригласил на работу в свой оркестр сразу троих наших

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

выдающихся музыкантов — Георгия Гаряна, Алексея Зубова и Константина Бахолдина, участников знаменитой «Восьмерки». Несмотря на «оттепель» никакой профессиональной работы для джазменов тогда не было и не предвиделось. Были лишь «халтуры» на танцах для жлобов или ненавистная советская эстрада. Именно к этому времени мы все заканчивали различные институты, и надо было определяться с выбором профессии — оставаться инженером или, игнорируя распределение на работу после института (что каралось тогда уголовным кодексом), становиться музыкантом-профессионалом, но без образования и права на работу, а также с клеймом «джазист», в

стране, где все еще бытовала фраза Жданова «от саксофона до ножа — один шаг».

Я помню, как мы с Жорой Гаряным поехали летом 1959 года отдыхать в Ялту и все время спорили о джазе. Подсознательно завидуя, что он становится профессионалом, я пытался доказать ему, что настоящий и современный джаз лучше играть в малом составе. Но в глубине души я понимал, что те, кто попал к Лундстрему, сразу далеко уйдут вперед по многим параметрам, а главное — они станут настоящими профессионалами, то есть людьми, легально зарабатывающими на жизнь лишь джазом. Мне же оставалось подполье, «халтуры», «кабаки», попытки организовать джаз-клубы, играть несанкционированные концерты по институтам...

Время шло, ветераны-«шанхайцы» уходили на покой, их места занимали новые джазмены. Постепенно состав полностью обновился и стал конгломератом «звезд» нового поколения. Оркестр Олега Лундстрема на долгие-долгие годы стал для многих отечественных музыкантов школой исполнительства, школой оркестровки, местом постоянной, престижной работы. Появлялись и исчезали новые прекрасные биг-бэнды — оркестр Вадима Людвиковского, «ВЮ-66» Юрия Саульского и многие другие, а оркестр Олега Лундстрема все существовал, не прекращая делать новые программы, репетируя и концертируя и самое главное — оставаясь истинно джазовым коллективом. И вот в один прекрасный момент выяснилось, что он существует как постоянная художественная целостность уже так долго, как ни один коллектив этого жанра на всей Земле. Это и послужило поводом для подачи информации о долгожительстве оркестра в редакцию всемирно известной «Книги рекордов Гиннеса». После соответствующих тщательных проверок Книга Гиннеса пополнилась еще одним рекордсменом. Им стал Олег Леонидович Лундстрем вместе со своим оркестром, созданным им еще в 1934 году.

Я никогда не был фанатиком игры в биг-бэнде, но глубоко уважаю настоящих «сайдменов», умеющих играть в группе саксофонов, труб или тромбонов. Чтобы снять свой комплекс неполноценности по поводу оркестрового профессионализма, я специально пошел работать в «ВЮ-66», где около двух лет играл второго альтя в группе саксофонов и писал аранжировки. Там я и понял, что быть в биг-бэнде — это особая судьба. Там я и окончательно вернулся к «комбо». Как руководитель своего «Арсенала», я знаю, как трудно быть лидером и начальником даже немногочисленного джазового коллектива, когда имеешь дело с так называемым «человеческим фактором», с талантом и гонором, мнительностью или хамством, хитроватостью и предательством некоторых из тех, с кем ты делаешь музыку. А что говорить о большом коллективе, где противоречий между музыкантами и проблем у руководителя гораздо больше. Поэтому-то образ Олега Лундстрема всегда вызывал в моей душе глубокое уважение и даже удивление. Мне никогда не удавалось быть таким спокойным, терпеливым и уравновешенным, как Олег Леонидович, но я стремлюсь к этому.

В тяжелые времена 90-х годов, когда филармоническая концертная жизнь практически прекратилась, распалось подавляющее большинство джазовых коллективов, да и рок-групп тоже... Оркестр Олега Лундстрема нашел какие-то сверхсилы и средства, чтобы выжить. Прекрасно, когда свое восьмидесятилетие музыкант встречает на сцене, вместе с собственным детищем, в окружении молодых профессионалов. Долгой Вам жизни, Олег Леонидович!

Алексей КОЗЛОВ,
композитор, саксофонист,
руководитель ансамбля «Арсенал»

Общая газ. - 1996 -
4 апр. - с 10.

Лундстрем Олег

4.4.96.